На саранских улицах, особенно в последнее время, можно заметить, что у нас становится больше таджиков. Они заметны, узнаваемы. Они трудятся в разных сферах, в том числе и там, где не хватает местных рабочих ресурсов. Многие из них оказались здесь по государственной программе «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом». Но уверенно сохраняют свои традиции, родной язык, национальную одежду; вспоминают о родной земле, о горах, возносящихся к небу, о горных кишлаках. Хотя уютным домом для таджиков стала и Мордовия, где они обрели работу и кров. Можно сказать, в равнинную Мордовию «пришли» таджикские горы.

«Золотую гору» в Таджикистане вспоминаю и я, в том числе и тогда, когда вижу таджиков на саранских улицах. Вспоминаю – потому что там живет мой добрый знакомый – уже очень старый человек. Как-то случайно, будто от ветра, летевшего с восточной стороны горизонта, я услышал о дервише Ходже Зульфикаре, а точнее – о писателе Тимуре Зульфикарове. И помнил о нем, ловил о нем вести в шелестящих еще советской искренней свежестью литературных газетах: а потом, немного возмужав, и я зачем-то захотел, чтобы дервиш, как он сам себя называл, узнал обо мне. Чтобы и в его стихийном знании обо мне закрепить мое родство со Вселенной. Ведь я уже знал о нем как о тысячелетнем страннике, родственном мне. И в 2002 году послал ему свои книги – стихи и эссе в пустынную, как окажется потом, для него Москву, по которой он, как древний пророк, блуждал шестьдесят лет и водил за собой тысячное племя метафор и притч.

Дервиш Ходжа Зульфикар услышал меня в своей московской «пустыне»; возможно, оттуда же и увидел меня. То ли из древнего прошлого, то ли из далекого грядущего дервиш прислал мне письмо в Саранск из Москвы: «Дорогой Камиль Абидуллович! Многое в Ваших книгах мне очень понравилось. И расширило мои горизонты. В наше время победоносного сорняка такая грядка культуры, которую Вы пестуете, – прекрасна! Необычна поэзия Ваша. Густое письмо!..».

Мне писал человек, который даже только по земным меркам на тридцать два года старше меня. Но, наверное, где-то в будущих великих временах наши возрасты сравняются, и мы оба будем юношами или древними стариками. А еще – то ли из тысячелетней древности, то ли из тысячелетнего грядущего дервиш прислал мне свою книгу поэм. Он был «рад, что мы не одни в нынешней варварской пустыне – и находим друг друга и перекликаемся…». Тимур Зульфикаров сожалел о том, что мои «сочинения не выходят к читателю широко, но читатель наш нищий в поисках хлеба».

А на самой книге дервиш написал очень добрые слова. И он ощутил историческое братство со мной. Открыв книгу, я еще раз убедился в том, что Тимур Зульфикаров

пишет, не ограничивая озарение размером и другими условностями русской словесности; и он, наверное, впервые в русской литературе пишет так. Но его тексты невозможно не только пересказывать (как можно пересказать бесконечный шелест травы о Вселенной на тихом ветру лунной ночью!); его тексты невозможно даже цитировать (иначе пришлось бы цитировать всю поэму). Его можно принимать только целиком; потому что все его творчество – один текст, начатый в древней древности и продолжающийся в далеком грядущем. И его письмо, написанное от руки и присланное мне из Москвы, – как редкая поэма вселенской чуткости поэта, поэма братства. Потому и его письмо ко мне – как его нетленное произведение.

Творения Зульфикарова – как единая наскальная поэма, которую камням нашептали духмяные горные цветы. Может, и я хотел бы писать так же совсем необычно, но я еще не решаюсь убежать в горы (и даже на свои равнинные луга) и оторваться от необъятно размеренных традиций мировой русской поэзии; не могу покинуть исторически традиционный стихотворный размер. Если Зульфикаров – потомок вольных восточных странников, то я потомок татарских, глубинно российских жестяных дел мастеров, чье звонкое вдохновение непременно имело свою меру. Потому мне генетически невозможно принять выстраданную Зульфикаровым мысль о том, что «в двухсотлетней одряхлевшей клетке русского стихосложенья уже не может жить новый соловей». Истинные «соловьи» поэзии смогут и тысячу лет песенно-свободно жить в необъятном, богоданном пространстве русского стихосложения, исходящего еще от потомка татарских мурз Державина, а скорее всего – и от его предшественников!

Солнцем пахнет до сих пор письмо Тимура Зульфикарова. Но потом окажется, что письмо благоухает – грядущим солнцем, мудро сияющим над Таджикистаном, где сейчас живет дервиш Ходжа Зульфикар – на родине своего отца, советского партийного деятеля Касыма Зульфикарова, расстрелянного советской же властью в 1937 году. С 2015 года дервиш живет в Таджикистане, куда когда-то давно приехала и где почти навсегда осталась с таджикским народом его мать, профессор филологии Людмила Успенская. Скорее всего, дервиш давно, как Пушкин, «замыслил побег» в поистине родные места и осуществил свой замысел. Сейчас поседевший и постаревший дервиш живет в таджикских горах. Он совершил этот побег – к себе, уже тысячу лет воплощенному в горных, устремленных в небеса высотах, в запахах горных трав и деревьев; воплощенному в этом благоухающем пространстве. Отцовская ли стихия земли позвала Тимура Зульфикарова в Таджикистан; или же позвали трудные и счастливые дороги, пройденные на этой земле его матерью?..

Старый дервиш сказал во всеуслышание, что больше не вернется в Россию. Но его Россия, чья родина весь мир, в русской поэтической речи своего любимого дервиша вместе с ним отправилась в горы, унося с собой и память о зарастающих бурьяном русских деревнях, по которым тоже, и в честь священной памяти своей матери, странствовал чуткий дервиш. И весть о присуждении ему Бунинской премии нашла дервиша в горах. Родственны друг другу два вселенских странника – Иван Бунин и Тимур Зульфикаров. Будто и русские угасающие деревни, приютившиеся в сердце дервиша, вместе с ним взошли на Золотую таджикскую гору. Угасшие, онемевшие русские деревни в горах увереннее разговаривают со Вселенной на безмолвном светлом языке звезд – в присутствии своего поэта, любящего весь вечный, неугасаемый мир. Поэт и сам говорит с безмолвными звездами о вечности – говорит на всемирном русском языке. А Вселенная разговаривает с поэтом на русском языке безмолвных звезд. И луна

разговаривает с поэтом. Глядя на полную луну, Ходжа Зульфикар, наверное, видит и свои грядущие следы там, где он уже увидел следы своего героя-себя Ходжи Насреддина.
Многое видел Ходжа Зульфикар. Увидел он и Второе Пришествие Христа, что одиноко шел по русской печальной равнине, шел к заброшенной русской деревне, где Христа, получив с небес в свое сердце весть-тревогу, ждали последние старухи-вдовы. Наверное, и вдовы воинов Великой Отечественной войны. Их тусклые окна не гаснут только ради того, чтобы забытая деревня была издали видна Христу; чтобы звала его только к ним. Сейчас и Ходжа Зульфикар, созерцая звезды, видит и эти окна со своей Золотой горы. Видит и описывает в поэмах дервиш и появление пророка Мухаммада в таджикском кишлаке – нищем и разоренном гражданской войной. Дервиш видит и описывает и появление Будды, вернувшегося на землю, чтобы увидеть Христа. Неповторимость мироздания описывает в своих сказаниях дервиш, ощущающий себя тысячелетним, умеющим странствовать по земле и по небесам; одинаково уважительный и к пророкам, и к простым людям.
А еще дервиш Ходжа Зульфикар, не прерывая своих поэтических странствий по Вселенной, с высоких гор беседует с нынешними правителями мира – президентами России и Америки, пишет им открытые письма в защиту планеты Земля от ядерной, самой последней, если случится, войны. И гордые горы боятся этой непременно последней для них войны; и звезды, сияющие только для благодарной земли, боятся; и горные цветы, воплощающие возможность земного совершенства, боятся. Это и их голосом и от их имени обращается дервиш-поэт к мировым могучим правителям. Потому и его письма к правителям – как своевременные поэмы.
У своей глиняной кибитки на Золотой горе Ходжа Зульфикар встречает, по его собственным уверенным рассказам, Гомера, Фирдоуси, Горация, Данте, Руми, Пушкина, Омара Хайяма, Хафиза, Хлебникова, Есенина. Пьет с ними мысленное вино, смотрит на звезды, обозревает с горной и уже горней вышины вечность. Должно быть, и Гомер пришел к дервишу уже древнейшим, и Данте – семисотлетним, и Пушкин – двухсотлетним. Они пришли к дервишу не из прошлого, а из грядущего; они пришли к нему его ровесниками, его родственниками. Но смогли ли они хотя бы две строчки Тимура Зульфикарова прочитать; или прочитают его поэмы потом, в грядущем? Признали ли его «реформатором русской поэзии», каковым Зульфикарова считают современные ценители его поэзии? Признали ли его «последним поэтом» на свете, во что он сам хотел бы жизнерадостно поверить? Или же каждый из них последним поэтом считает только себя? И захотели ли они покинуть свои традиции – свой стихотворный размер; и свои уже достигнутые горы, чтобы последовать за дервишем? Они были, да, конечно же, были в гостях у Ходжи Зульфикара, но отправились ли вместе с ним в его неповторимые, придуманные им странствия? И признали ли они его своим родным Братом, как он признал «древним Братом» меня? Об этом человечеству когда-нибудь расскажет История, которая своевольно и непредсказуемо кого-то вписывает в вечность, а кого-то хоронит в безликих песках забвения; но сам дервиш давно признал родство и с Данте, и с Хафизом, и с Горацием, и с Пушкиным…
Будто и я хотел бы взойти на Золотую солнечную гору вместе с дервишем; будто и я хотел бы взойти на гору, если сейчас в Саранске солнечно вспоминаю о Тимуре Зульфикарове.
Дервиш своими парадоксальными, молитвенными странствиями-поэмами будто

вымаливал у Вселенной свидание с ней на козьих, изначально знакомых для него тропах. И Вселенная, полюбившая Ходжу Зульфикара на закате его жизни, великодушно назначила ему свидание на таджикской Золотой горе. Какой могучий, какой живой и мыслящий закат встал на колени перед Золотой горой, где на козьей тропе странствует старый дервиш Ходжа Зульфикар, который и сам для меня – как особенный, ни на кого не похожий герой в творящейся эпической поэме Вселенной.
Мне радостно от того, что дервиш, узнавший обо мне, живет на Золотой горе близко к звездам. Близко к звездам живет мой «древний Брат» Ходжа Зульфикар, и меня приближая к вечно недосягаемым звездам.
…Как-то случайно, будто от ветра, летевшего с южной стороны горизонта, я услышал о дервише Ходже Зульфикаре, а точнее – о современном писателе Тимуре Зульфикарове. И я зачем-то захотел, чтобы дервиш узнал обо мне. Наверное, тогда посчитал его наиболее близким к звездам. Дервиш услышал меня в своей московской пустыне, получив и прочитав посланные мною книги; возможно, оттуда же и увидел меня. То ли из древнего прошлого, то ли из далекого грядущего дервиш услышал и увидел меня и прислал письмо в Саранск из Москвы.
Так вот, вспоминается мне известный в России писатель Тимур Зульфикаров, живущий ныне на Золотой таджикской горе, когда вижу на саранских улицах его соплеменников, спустившихся с гор на мордовскую равнину.

Камиль ТАНГАЛЫЧЕВ